

А.Ю. Коробов-Латынцев, С.А. Демидова*

СЛАВЯНОФИЛЬСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ:
ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

В статье рассматриваются положения славянофильской философии, определившие вектор развития отечественной традиции осмысления феномена войны. Исследуя взгляды и военные пути А.С. Хомякова, И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина, авторы анализируют отношение мыслителей к войне и ее последствиям, их оценку значения военных конфликтов XIX в. в истории России и Запада, а также нравственные мотивы, характерные для творчества философов этого направления. Славянофильская философия войны позиционируется как практическая философия с явным уклоном в историософию, сосредоточенная прежде всего на осмыслении нравственного смысла и исторического значения тех войн, которые вела Россия.

Ключевые слова: славянофильство, философия войны, историософия, А.С. Хомяков, И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин

Slavophile philosophy of war: an attempt of reconstruction. ANDREY Yu. KOROBOV-LATYNTSEV (Donetsk Higher Combined Arms Command School), SERAFIMA A. DEMIDOVA (National University of Science and Technology MISiS)

The article examines the statements of Slavophile philosophy that defined the line along which the tradition of understanding the phenomenon of war developed in Russia. Exploring the views and war roads of A.S. Khomyakov, I.S. Aksakov and Yu.F. Samarin, the authors analyze the attitude of these thinkers to war and its consequences, their appraisal of the meaning of the XIXth century war conflicts in the history of Russia and the West as well as moral motives dominating the works of these philosophers. Slavophile philosophy of war is formed as a practical one with an obvious tendency towards historiosophy, focused primarily on understanding the moral meaning and historical significance of the wars in which Russia took part.

Keywords: Slavophilism, war philosophy, historiosophy, A.S. Khomyakov, I.S. Aksakov, Yu.F. Samarin

Проблема войны и мира всегда была предметом размышлений философов от Античности до наших дней. Гераклит Эфесский объявляет вой-

ну «отцом всех вещей». Платон онтологизирует войну и создает классификацию войн, которую будут использовать последующие поколения

* КОРОБОВ-ЛАТЫНЦЕВ Андрей Юрьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Донецкого высшего общевойскового командного училища, г. Донецк, Россия, a.k-l@mail.ru

ДЕМИДОВА Серафима Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальных наук и технологий Национального исследовательского технологического университета «МИСИС», г. Москва, Россия, amifares@mail.ru

© Коробов-Латынцев А.Ю., Демидова С.А., 2024

греческих философов. Как отмечает современный исследователь А.И. Бродский, «Платон заложил идею элитарного союза философов и воинов, вдохновлявшую европейских мыслителей на протяжении тысячелетий» [8, с. 552].

Эволюция философских представлений о войне в немецкой философии конца XVIII в. – первой половины XIX в. исходит из характерного для эпохи Просвещения идеала «вечного мира», но приходит в итоге к выводу о его неосуществимости. Разрешение проблемы войны и мира видится в необходимости правового оформления межгосударственных отношений, которое, не являясь абсолютным гарантом мира, способствует выходу из потенциального или же актуального состояния войны.

Г.В.Ф. Гегель обозначает диалектическое соотношение между вечным стремлением человечества к миру и нравственной необходимостью войны для его же блага. Полемизуя с И. Кантом, с его тезисом о «неосуществимости идеи вечного мира», Гегель пишет о преходящем характере не только состояния мира, но и состояния войны: «В войне сама война определена как нечто долженствующее быть преходящим. Поэтому война содержит в себе определение международного права, устанавливающее, что в войне содержится возможность мира...» [10, с. 368].

К. Шмитт, один из наиболее влиятельных немецких мыслителей XX в., правовед и политолог, разработал концепцию тотального государства, тотального врага и тотальной войны – без всяких ограничений и правил. Война продолжает политику, но тем не менее обладает собственной сущностью. Враг – это не просто противник, с которым можно заключить мир, это тотальное зло, которое необходимо уничтожить [32].

Таким образом, в истории мировой философии проблема войны и мира является едва ли не центральной, когда речь заходит о практическом применении философских систем или об этике как практической философии.

Русская же философия войны шла своими путями. Известный русский военный теоретик А.А. Керсновский писал в своем труде «Философия войны», что «со смерти Суворова русская военная мысль вдохновлялась исключительно иностранными образцами» [12, с. 27]. Однако подробный анализ показывает, что в русской философии существует самобытная традиция осмысления войны (философия войны, полемо-

логия), к которой относится и сам Керсновский. К ней принадлежат такие фигуры, как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.Е. Снесарев, Е.Э. Месснер и др. В плеяде русских мыслителей, которые выстраивали философию войны, следует особо отметить представителей славянофильского направления: А.С. Хомякова, И.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина и др.

Русское славянофильство представляет собой одно из самых масштабных и известных направлений отечественной философии XIX в. Последователи данного учения ассоциируются в научном мире с интеллектуалами-патриотами и традиционно противопоставляются «западникам». От славянофильства идут и Н.Я. Данилевский, и К.Н. Леонтьев, оказавшие значительное влияние на евразийскую идею. Поздний П.Я. Чаадаев в «Апологии сумасшедшего» также высказывает «славянофильские мысли»¹.

Славянофильство – это не только направление в русской философии, но и целая эпоха социальной мысли. Когда В.Ф. Эрн выбирал название для своей знаменитой лекции военных лет «Время славянофильствует» (1915), он руководствовался тем, что в анализируемый им период русской истории у общества был запрос именно на славянофильские парадигму и философский язык как наиболее адекватные интерпретируемому событию – Первой мировой войне².

Славянофилы едва ли не самые воинственные из всех русских философов. Многие из них сами участвовали в войнах, которые вела Россия в XIX в.³ Мировоззренческие установ-

¹ Имеется в виду высказывание Чаадаева о предназначении России в «Апологии сумасшедшего»: «...У меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество. Я часто говорил и охотно повторяю: мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества» [31, с. 534].

² Подробнее об этом см.: [33].

³ А.С. Хомяков – участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг.; И.С. Аксаков и Ю.Ф. Самарин принимали участие в народном ополчении во время Крымской войны (Аксаков – в московском ополчении, Самарин – в самарском); К.Н. Леонтьев добровольцем отправился в Крым во время Крымской войны.

ки и боевой опыт отразились и в их общем настроении, и в интересе к полемике, сформировали своеобразную полемологию, славянофильскую философию войны, которую в дисциплинарной матрице философии стоит выделить особо. Например, А.С. Хомяков, как писал А.И. Герцен, даже «спал вооруженный»⁴, то есть в любую минуту был готов вступить в философский спор. Издателю «Колокола» и «Полярной звезды» принадлежит и выражение «бретер диалектики», употребленное применительно к вождю славянофилов.

Как замечает исследователь философии славянофильства В.В. Носков, Константин и Иван Аксаковы закладывают традицию философского осмысления войны, которую продолжает В.С. Соловьев и его последователи, мыслители русского духовного Ренессанса [18, с. 111]. В 1857 г. в передовой статье газеты «Молва» Константин Сергеевич Аксаков, виднейший представитель славянофильства, осмысляя закончившуюся Крымскую войну, попутно истолковывает феномен войны вообще. Так, философ пишет: «Война часто является необходимостью и даже долгом для государства. Вместе с тем, требуя от народа разнообразных и необычных усилий, она будит в нем и *нравственные, и физические силы и часто обновляет его существо*» [6, с. 388]. Далее К. Аксаков определяет и оценивает данное явление: «Война, взаимное истребление людей, есть явление, противное существу духа человеческого, показывающее несовершенство его нравственного состояния. Но человечество еще далеко от степени такого совершенства, и потому война еще нужна» [6, с. 388]. Война нужна, по мнению Аксакова, и потому, что она позволяет, «вырывая народы из обыденной колеи и становя их в необыкновенное состояние и отношение друг к другу, ... короче узнать и самих себя, и друг друга» [6, с. 389].

⁴ Так, в своих мемуарах «Былое и думы» отозвался о Хомякове А.И. Герцен: «Хомяков был действительно опасный противник; закалившийся старый бретер диалектики, он пользовался малейшим рассеянием, малейшей уступкой. Необыкновенно даровитый человек, обладавший страшной эрудицией, он, как средневековые рыцари, караулившие Богородицу, спал вооруженный. Во всякое время дня и ночи он был готов на запутаннейший спор и употреблял для торжества своего славянского воззрения все на свете – от казуистики византийских богословов до тонкостей изворотливого легиста» [11, с. 456].

Славянофильскую философию войны можно рассмотреть как ответы на три вопроса, предложенные В.С. Соловьевым: «По-настоящему, относительно войны следует ставить не один, а три различных вопроса: кроме общенравственной оценки войны, есть другой вопрос – о ее значении в истории человечества, еще не кончившейся, и, наконец, третий вопрос, личный – о том, как я, то есть всякий человек, признающий обязательность нравственных требований по совести и разуму, должен относиться теперь и здесь к факту войны и к тем условиям, которые из него практически вытекают? Смешение или же неправильное разделение этих трех вопросов – *общенравственного*, или теоретического, затем *исторического* и, наконец, *лично нравственного*, или практического – составляет главную причину всех недоразумений и криво толкований по поводу войны, особенно обильных в последнее время» (курсив наш. – *прим. авт.*) [25, с. 541].

Жизненные, философские и военные пути мыслителей славянофильского направления являются собой последовательные и честные ответы на эти три вопроса. Рассмотрим коротко эти пути.

Алексей Степанович Хомяков участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Причем Хомяков был причастен к военной службе с самой юности: в 1822 г. Хомяков принимается на службу юнкером в Астраханский кирасирский полк, в том же году он переводится на службу в Петербург, в лейб-гвардии Конный полк. В 1823 г. его производят в эстандарт-юнкеры, а в 1824 г. – в корнеты. В 1825 г. Хомяков в чине поручика «по домашним обстоятельствам» увольняется со службы, уезжает в заграничное путешествие (полк его будет принимать участие в восстании на Сенатской площади) и возвращается на службу в 1828 г., как раз к войне. В чине поручика Белорусского гусарского Принца Оранского полка, в должности адъютанта генерала В.Г. Мадатова отправляется на Дунай для того, чтобы принять участие в очередной русско-турецкой войне. Там он будет дважды ранен при крепости Шумла, за проявленную в боях храбрость получит два ордена: Владимирский и Св. Анны. Н.А. Бердяев, написавший интеллектуальную биографию Хомякова, приводит слова современников, что он был офицером с «холодной блестящею храбростью» [7, с. 260].

В письме к матери, написанном во время военных действий, А.С. Хомяков пишет: «Я был

в атаке, но, хотя раза два замахнулся, но не решился рубить бегущих, чему теперь очень рад; после того подъехал к реду, чтобы осмотреть его поближе. Тут подо мной была ранена моя белая лошадь, о которой очень жалею. Пуля пролетела насквозь через обе ноги; однако же есть надежда, что она выздоровеет. Прежде того она получила рану в переднюю лопатку саблею, но эта рана совсем пустая. За это я был представлен к Владимиру, но по разным обстоятельствам, не зависящим от князя Мадатова, получил только Св. Анну с бантом, впрочем, и этим очень можно быть довольным. Ловко я сюда приехал: как раз к делам, из которых одно жестоко наказало гордость турок, а другое утешило нашу дивизию за все горе и труды прошлого года...» (Цит. по: [7, с. 260]). Эти строки вполне подтверждают приведенную Бердяевым характеристику Хомякова, данную его современниками.

О войнах А.С. Хомяков рассуждает так: «Война и завоевание, этот итог бесконечных убийств, бесстрастных и бесконечных, это исполинское преступление всех законов человечества, эта мерзость, сопряженная с очаровательным величием и соблазном себялюбивой славы, война еще не получила имени у людей» [28, т. 6, с. 21]. Однако, как считает исследователь творчества Хомякова В.Н. Ксенофонов, философ «в своих воззрениях на войну не предстает в качестве ярко выраженного пацифиста» [11, с. 677]. Хомяков, рассуждая о войнах, в которых участвовала Россия, указывает на ее миротворческую миссию: «На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоеваний. Кровь и вражда не служили основанием государства Российского, и деды не завещали внукам предания ненависти и мщениия» [28, т. 3, с. 28].

Н.А. Бердяев также пишет, что когда А.С. Хомяков находился у себя в деревне, «в обстановке спокойной, его периодически тянуло на войну, в бой, и он изливал свои переживания в боевых стихотворениях» [7, с. 260]. Бердяев характеризует философа как натуру воинственную, причем эта воинственность проявилась очень рано: в семнадцать лет он пытался бежать из дому, чтобы принять участие в войне за освобождение Греции. «Он купил засапожный нож, прихватил с собой небольшую сумму денег и тайком ушел из дому» [7, с. 257]. В Греции в это время началось общевосточное антитурецкое восстание, подготовленное обществом «Филики Этерия». В России это восстание – «грече-

ская революция», как его называли – встретило широкое сочувствие. Это чувство охватило и юного Хомякова. Вот характерное юношеское стихотворение будущего философа о «греческой революции»:

О, если б глас царя призвал нас в грозный бой!
О, если б он велел, чтоб русский меч стальной,
Спасатель слабых царств, надежда, страх вселенной,
Отмстил за горести Эллады угнетенной! [26, с. 4]

Исследователи отмечают, что эти юношеские романтические порывы А.С. Хомякова участвовать в славянских антитурецких восстаниях «до определенной степени удалось воплотить Хомякову в жизнь во время очередной русско-турецкой войны 1828–1829 гг., в которой он принимал участие как раз на Дунайском театре войны. По итогам именно этой войны победившая Россия при заключении мирного договора в Адрианополе добилась от Турции предоставления полной независимости Греции и создания автономного княжества Сербии, которое стало первым государственным образованием у зарубежных славян, возродившимся после долгих столетий утраты» [15, с. 104]. Можно сказать, что Хомяков лично был причастен к освобождению сербов от Турции.

Пример А.С. Хомякова доказывает, что славянофильская философия войны – это прежде всего практическая (военная) философия, т.е. само событие войны для славянофилов – не абстрактная тема для отстраненного научного исследования, а экзистенциал, который они осмысливают вблизи, в непосредственном столкновении с ним.

Платоновский взгляд на войну как на процесс, разворачивающийся не только на поле боя, но в самом бытии, органично вписывается в славянофильскую военную философию. Так, в А.С. Хомякове Н.А. Бердяев фиксирует следующую особенность: «У него была неискоренимая потребность всегда органически утверждать и бороться во имя органического утверждения. В нем нет и следов мягкости и неопределенности натур сомневающихся, мятущихся. Он ни в чем не сомневается и идет в бой. В бой нельзя идти с сомнением, с внутренней борьбой. Плохой воин тот, кто борется с самим собою, а не с врагом. Хомяков всегда боролся с врагом, а не с самим собой, и этим он очень отличается от людей нашей эпохи, слишком часто ведущих борьбу с собой, а не с врагами» [7, с. 260].

Хомяков, исходя из славянофильской практической философии войны и относясь к войне как экзистенциалу, а не абстрактной теоретической теме, одним из первых указал на четвертое измерение войны, о котором в эпоху Хомякова едва ли кто-либо мыслил. Можно предположить, что лидер славянофилов предвидел появление будущих информационных или ментальных (когнитивных) войн. Философ писал: «Прошли века, государство русское окрепло, но новое нашествие с Запада требует нового сопротивления. Это нашествие не меча и силы, но учения и мысли. И против этих нашествий бессильна всякая вещественная оборона, и сильно только одно – глубокое душевное убеждение» [28, т. 3, с. 99].

Накануне вступления западных держав в Крымскую войну 1853–1856 гг. Хомяков написал: «Силы всех наций выдвигаются вперед и меряют взорами друг друга. Борьба ужасная готовится вспыхнуть» [28, т. 3, с. 178]. Эти строки, на наш взгляд, предсказывают мировые конфликты XX в. Истоки этого противостояния между Россией и Западом Хомяков видит в схизме, религиозном расколе, поскольку «на одной из воюющих сторон стоят исключительно народы, принадлежащие православию, а на другой римляне и протестанты, обступившие исламизм» [27, с. 85].

Отметим, что в славянофильской полемологии, как и в славянофильской социальной философии, особо значимо именно религиозное измерение. Так, войну России против Турции Хомяков назвал справедливой войной [28, т. 1, с. 382] именно в том значении, в котором это выражение употребляли классики теории справедливой войны (Августин Блаженный и Фома Аквинский), а не современные западные теоретики. Последние увели саму теорию справедливой войны в юридическую плоскость. Войну философ понимает как Суд Божий: у Хомякова есть и одноименное стихотворение. Оно написано в 1854 г. и посвящено Крымской войне. В этом произведении философ обозначает важный для его религиозной метафизики концепт призванности на войну:

Глас божий: «Сбирайтесь из дальних сторон!
Великое время пришло
Для тризны кровавой, больших похорон:
Мой суд совершится, мой час положен,
В сраженьи бросайтесь смело...» [26, с. 159]

Русский народ и сама Россия, по Хомякову, призваны на Суд Божий в качестве орудия Господа. Поэтому философ пророчески предостерегает свое Отечество в стихотворении «России»:

Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданиям тяжело.
Своих рабов он судит строго,
А на тебя, увя! как много
Грехов ужасных налегло!..
...О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказания
Не грянет над твоей головой!..
И встань потом, верна призванью,
И бросься в пыл кровавых сеч!
Борись за братьев крепкой бранью,
Держи стяг Божий крепкой дланью,
Рази мечом – то божий меч! [26, с. 164]

У Хомякова из личной его вовлеченности (как боевого офицера) рождается глубинное понимание события войны в русской истории. Эти войны для вождя славянофилов, во-первых, являются войнами оборонительными, вынужденными; во-вторых, они носят характер принципиальный, т.е. в их основании лежат конфликт разных принципов, разных подходов к миру, человеку, к его истории. Хомяков, словно отвечая на те вопросы, которые спустя почти четыре десятилетия после его смерти задаст В.С. Соловьев, утверждает, что с нравственной точки зрения война, конечно же, является злом; с исторической точки зрения войны, впрочем, могут служить благим целям, например, освобождения народов от несправедливого гнета или защите веры. С точки же зрения гражданской философии, как сын своего Отечества, не имеет права уклоняться от участия в войне, ссылаясь на то, что в общенравственном смысле война есть зло (что наглядно демонстрируется всей биографией Хомякова).

Аналогичное понимание основного концепта практической философии мыслителей исследуемого направления мы обнаруживаем в военной философии другого славянофильского лидера, «последнего из отцов» славянофильства – Ивана Сергеевича Аксакова.

И.С. Аксаков, как и А.С. Хомяков, служил в армии. С началом Крымской войны Аксаков просит графиню А.Д. Блудову посодействовать

его переводу в армию на Дунай: «Я хочу вступить на какую-нибудь гражданскую должность при Дунайской армии. ... Я хочу быть ближе к театру войны» [19, с. 339]. На гражданскую должность, впрочем, И.С. Аксакову попасть не удалось, и в 1855 г. философ записался в Московское ополчение, в Серпуховскую дружину, потому что ему «совестно» было находиться дома, когда «люди дерутся и жертвуют» (цит. по: [16, с. 21]).

Несмотря на то, что в армии Аксаков до этого никогда не служил, он стал штабс-капитаном III Серпуховской дружины. Правда, философ не участвовал в боевых действиях: со своей дружиной он совершил поход в Одессу, а далее – в Бессарабию, но к тому времени война уже закончилась.

На третий вопрос, который предлагает поставить о войне В.С. Соловьев, – об отношении человека к факту войны и ее последствиям – Аксаков отвечает конкретно: «Призыв к ополчению значит возвешение опасности, угрожающей России, – вот главное и существенное: может быть, тебе опасность и не кажется еще столь близкою, может быть, ты винишь в этом опасности само правительство, может быть, ты не сочувствуешь политике правительства... Покуда ты так рассуждаешь, враг нагрянул на Россию и разорил ее пограничные области. Нечего обращать внимание на все те глупости и вздоры, которыми сопровождается по милости людей всякое серьезное дело. Ты только относись к серьезному делу серьезно и честно, и все получит иной характер» [3, с. 343–344].

В апреле 1854 г., еще до вступления в ополчение, Аксаков написал стихотворение «На Дунай!», в котором выразил первые впечатления о начавшейся войне:

На Дунай! Туда, где новой славы,
Славы чистой светит нам звезда,
Где на пир мы позваны кровавый,
Где, на спор взирая величавый,
Целый мир ждет Божьего суда! [5, с. 7]

В этом аксаковском пятистишии следует обратить внимание на концепт призванности, а именно его инвариант – позванности. Как и Хомяков, Аксаков выстраивает посредством поэзии ту же самую славянофильскую религиозную метафизику войны: Россия призывается / зовется на справедливую войну со злом, суть которой – Божий суд, а Россия – его ору-

дие. В событии войны славянофилы видят нечто провиденциальное. И.В. Киреевский после объявления Россией войны западным державам 7 марта 1854 г. писал И.С. Аксакову, что наступило такое необыкновенное время, «какое бывает только в тысячелетние переломы эпох: все времена слились: в настоящем и прошедшем не уходит, и будущее прежде прихода ошутительно. А между тем неожиданно и удивительно. Тайна веков слышна и Провидение видимо» [13, с. 327]. В этом контексте решение Аксакова пойти добровольцем на войну является решением столь же гражданским, сколько философским. После окончания войны Аксаков вернулся в Москву, но оттуда почти сразу же отправился в Крым. А.С. Курилов, исследователь творчества мыслителя, пишет, что философ «некоторое время работает в комиссии по расследованию интендантских злоупотреблений во время войны» [16, с. 21].

Б.Н. Чичерин в своих мемуарах отмечает, что «Крымская кампания открыла глаза тем из славянофилов, которые в состоянии были что-нибудь видеть» [22, с. 172]. На самом деле, едва ли можно упрекнуть славянофилов в слепой любви к своей Родине; напротив, представители славянофильского направления ясно представляли себе положение дел, недостатки, слабые стороны и российской армии, и политической системы в целом, однако для них это не было причиной для того, чтобы перестать в меру своих сил отстаивать интересы своего Отечества, опираясь на свою собственную онтологию и практическую философию войны. Так, Аксаков писал во время польского восстания в своей газете «День», что «после урока, заданного нам Восточной войной, мы должны наконец сознать лежащую на нас историческую повинность и нести ее с полной гражданской добросовестностью» [2, с. 137].

Отношения Ивана Аксакова с войной не окончились в 1855 г. Как отмечает В.В. Носков, «Аксаков продолжал обращаться к урокам пережитой им в молодости войны» [18, с. 114]. Это касалось его издательской, публицистической и общественной деятельности, в т.ч. в связи с новой войной России с Турцией. Он, в частности, активно участвует в оказании помощи братской Сербии в освободительной войне, начавшейся в 1876 г. Философ помогает русским добровольцам переправляться через границу, организует сербскому правительству заем, собирает средства на нужды русской армии.

В русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Аксаков вновь занимается сбором средств, покупкой оружия и его переправкой болгарским дружинам. Историк Н.И. Цимбаев, что эта деятельность стала «его весомым вкладом в борьбу за освобождение балканских славян» [30, с. 238].

Аксакова называли «Мининым» движения за освобождение на Балканах, а болгары именовали своих ополченцев «детьми Аксакова» и даже направили к Ивану Сергеевичу делегацию с приглашением занять болгарский престол [9]. «Не занимавшего никакого государственного поста Аксакова считали на Западе славянским Бисмарком, способным объединить разделенное славянство в одну державу под скипетром русского царя. Это было сильное преувеличение – петербургская бюрократия по-прежнему считала Аксакова своим врагом, но признавать его влияние на общественное мнение приходилось даже ей» (цит. по: [24, с. 20]).

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в России случился настоящий патристический подъем из-за желания поддержать братьев-славян, в Московский славянский комитет, возглавляемый Аксаковым, начали стекаться тысячи крестьян и «лихих людей» – с Волги, Дона, из Сибири. Они просили помочь им добраться до Сербии, чтобы там вступить в ряды добровольцев и бороться за независимость славян. Аксаков скажет, что эта (очередная) русско-турецкая война стала подвигом правды и веры. «Нужен подвиг русскому человеку, – писал последний из отцов славянофильства, – как вообще всем сильным душам потребно порою развернуть во всю ширь свои крылья и, взмахнув распростертыми крыльями, вознестись хоть на миг в высоту, над мелочью и пошлостью земной жизни» [4, с. 457].

И.С. Аксаков, как и А.С. Хомяков, предстает перед нами человеком с боевой натурой. Сам Аксаков говорит о себе в 1860 г. (в возрасте 37 лет) так: «Я в жизнь свою был и судьей, и администратором, и поэтом, и публицистом, и журналистом, и воином...» [1, с. 390]. Таковым он остался и в истории. Как пишет А.Г. Гачева, «скончался он, как солдат духа, на боевом посту, когда писал очередной материал для “Руси”» [9].

Из описанных выше отношений Аксакова с войной становится еще более понятным, что война для философов-славянофилов была не просто абстрактной темой, которую можно те-

оретически разрабатывать, писать о ней статьи и книги, но была экзистенциалом, который активно ими переживался и осмыслился и который определял, по сути, все существование для мыслителей этого направления.

Другим показательным примером практической славянофильской военной философии был Юрий Федорович Самарин. Он вел войну политическими средствами, хотя возможность буквальной войны преследовала его всю жизнь.

Ю.Ф. Самарин – политический философ и одновременно политический деятель. Его биограф Б. Нольде говорит о том, что «в самом Самарине были кости и мускулы» [17, с. 160], боевой характер и воля к активному и независимому действию. Исследователь жизни и творчества философа С.И. Скороходова пишет, что своей родословной Самарин «восходит к роду литовского князя Гедиминаса, который в XIV в. вел ожесточенную борьбу с немецкими рыцарями. Эту борьбу продолжил его дальний русский потомок, Юрий Самарин, с остзейскими баронами» [23, с. 168].

Отец Ю.Ф. Самарина – участник Отечественной войны 1812 г. В его доме часто бывал Денис Давыдов, друг семейства, рассказы о войне которого любил слушать будущий философ. Исследователи отмечают, что рассказы известного на всю Россию поэта и партизана сильно повлияли на формирование мировоззрения Юрия Самарина [21].

Самарин – политический философ, один из разработчиков реформы освобождения крестьян в России. В то время, когда Самарин приступил к работе над будущей реформой, началась Крымская война. Философа крайне опечалили неудачи и поражения русской армии. Тогда и началась политическая деятельность Самарина, вместе с ней – и его отношения с войной.

В июле 1855 г. дворянство Поволжья, где находилось имение Юрия Самарина, избрало его в капитаны местной ополченской дружины. Братья философа уже были в это время на военной службе, и сам Самарин, как и Аксаков, не считал себя вправе отказаться от назначения. Как и И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин не поучаствовал в боевых действиях: война закончилась к тому моменту, когда дружина Самарина выступила на Кавказ.

Самарина в начале его военного пути будут преследовать мрачные настроения. Он скажет в письме к одному из своих друзей: «Какое

странное время, кого берут, кто сам идет, с кого дерут; везде пожертвования, признаки всеобщего напряжения и при всем этом какое-то холодное безучастие к общественному делу» [17, с. 191]. Однако по мере возрастания дворянской (сызранской) дружины Самарина рассеивается его мрачное настроение. Рота, которой он будет командовать, очень радушно встретит его, и Самарин охотно возьмется за свои обязанности. Он станет разбирать бумаги в военной канцелярии, объяснять писарям правила орфографии, а свободное время станет отдавать работе над запиской о будущей освободительной крестьянской реформе. Философ будет хлопотать о своей дружине, стараться для улучшения ее снабжения, вступаться за честь ополченцев, которых включают в регулярные части. Одним словом, подойдет к военному делу со свойственной всем славянофилам основательностью. Показательно, Самарина будет огорчать тот факт, что после окончания войны он со своей ротой будет продолжать стоять в Сызрани: заниматься строевой подготовкой и «делать репетиции, зная наперед, что представление не состоится» [17, с. 160]. Отсюда можно заключить, что поучаствовать в «представлении» молодому славянофилу все-таки хотелось.

Самарину, впрочем, достаточно быстро придет освобождение от службы, и он отправится в Москву, на свой профессиональный, политический театр военных действий. Но когда в 1863 г. случится польское восстание, Самарин напишет во всеподданнейшем адресе от лица Самарского дворянства по поводу восстания так: «...Русское сердце давно почувало, что новая туча надвигается на нас с Запада» [17, с. 160]. А в письме к одному из своих корреспондентов он прямо выскажет свое отношение к происходящему, будто отвечая на поставленный В.С. Соловьевым вопрос о личном нравственном решении участвовать в войне: «Положение таково, что приходится желать войны, как бы мы ни были не подготовлены к ней. Последствия самой несчастной войны, при неравных силах, не могут быть хуже тех условий, с которыми связано соблюдение мира во что бы то ни стало. Тут поднят вопрос не только государственный, но земский и, если уж непременно нужно произносить это слово – вопрос династический. В моих понятиях война есть дело решенное, а при предстоящей такой войне роль каждого, способного поднять ружье, ясна. Все ждут ополчения или чего-нибудь в этом роде.

Собственно, по этому поводу я к Вам и пишу» [17, с. 161]. Далее в письме Самарин будет прямо рассуждать об ожидаемой войне и предлагать конкретные действия: «Маленькая артель охотников может раздвинуться и принять в свой состав целое губернское ополчение. Капля может окрасить всю бесцветную массу. Образовать хорошие кадры – это, мне кажется, единственное средство предупредить повторение тех пошлостей, гадостей и гнусностей, которыми запятнали себя все ополчения в прошлую войну. По моему мнению, следовало бы, когда дойдет до того: во-первых, вызвать охотников из всех сословий без различий для образования из них вольных стрелковых рот. Принимать их всех совершенно на одинаковых правах (это необходимо) и не так, чтобы коллежских переименовывать в ротных командиров. Во-вторых, в каждой из них дать по возможности самостоятельное устройство, и в хозяйственном и дисциплинарном отношении, между прочим – право исключать из среды своей недостойных, право вербовать новых охотников и т.д. Обучить охотников стрельбе и необходимым маневрам, можно, кажется, довольно скоро, если взяться за дело с толком. Повторяю опять – все это мелочь; но когда против нас пущены в ход все средства передней пропаганды, мне кажется, ничем пренебрегать не должно» [17, с. 160]. В конце письма Самарин объявляет, что ему не хотелось бы сидеть на месте сложа руки [17, с. 161–162]. И философ не сидит сложа руки. Он убеждает самарского батальонного командира, чтобы тот допустил его и тех восемь-десять волонтеров «участвовать вместе с солдатами в учении цельной стрельбе» [17, с. 163].

На излете польского восстания в августе 1863 г. Самарин отправится в Царство польское. Дело в том, что император считал, что первоочередной мерой в Польше должна быть крестьянская реформа, и Самарина привлекли к этой работе как специалиста, который проявил себя во время реформы 1861 г. Самарин с готовностью отправляется в Польшу. В Высочайшем повелении о миссии Самарина было сказано, что цель миссии – ознакомиться с делами царства польского, изучить их на месте и составить ближайшие соображения о мерах к успокоению края. По сути же дела эта командировка носила почти что военный характер. Сам Самарин пишет об этом рейде: «Обстановка нашего путешествия: конвой линейцев в бараньих шапках, с закинутыми на спину винтовками, плавно

несущихся на кавказских иноходцах, веселый и бодрый вид пехоты – этой неутомимой пехоты, почти не отстающей от кавалерии, солдатские песни и солдатский заразительный смех; кое-где, в рядах, заломленные набекрень красные конфедератки, отбитые у повстанцев, – все это и многое другое, как движущаяся панорама, пронеслось мимо нас во время этой достопамятной для нас поездки» [17, с. 173].

О самом польском восстании Самарин скажет, что оно было лишено всякой организации и держалось одной лишь ненавистью к русским, само по себе было раздираемо внутренними распрями. Оно могло родить только террор, который отравлял всю страну и парализовал ее нормальную жизнь.

Самарин не только точно охарактеризовал восстание, свидетелем которого он сам был, но и со свойственной ему политической чуткостью предвидел будущую войну, причина которой – новый зарождающийся деспотизм в Германии. В письме к своей подруге, баронессе фон Раден, в 1870 г. философ писал о франко-прусской войне: «...Нельзя не распознать в упоении прусским триумфом фальшивые ноты, режущие слух. Преклонение перед силой начинает преобладать над культом свободы – этот симптом нам известен, новый деспотизм в зародыше... Концентрация сил, подобная той, что произошла в Пруссии, порождает войну, а не ждет ее. Расовые столкновения, как в V веке при наличии железных дорог, телеграфов и пулеметов, – вот что, видимо, приготовило для нас будущее...» [34, с. 192–193]. Время показало, что Самарин не ошибался.

Таким образом, анализ идей и мировоззренческих установок видных представителей славянофильства – И.С. Аксакова, А.С. Хомякова, Ю.Ф. Самарина – показал, что философы создали особую военную философию, исключающую дистанцию от рассматриваемого предмета (то есть войны, конфликта, полемоса) и превращающую предмет рассмотрения в экзистенциал, который определяет не только представления философа о войне, но и конкретные этические стратегии мыслителя в определенной военной ситуации. Пример таких этических стратегий как раз дали славянофилы, определившие таким образом всю последующую русскую традицию осмысления войны от В.С. Соловьева до Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова, а также традицию личного отношения философа к войне. Традицию эту можно обозначить как платоническую.

К примеру, в диалоге «Тимей» Платон пишет так: «Род же софистов полагаю я хотя и очень опытным в красноречии и других прекрасных искусствах, но боюсь, как бы эти люди, бродящие по городам и нигде не основывающие себе собственного жительства, не ошибались в своих догадках, как и что, на войне и в битвах, должны делать и говорить философы и вместе политики при деятельных и словесных сношениях с другими» [20, с. 375].

Традиционное для Платона противопоставление софистов и философов очень важно применительно к нашей теме. Софисты – не просто платные учителя мудрости, они для Платона прежде всего те, кто не имеет своего собственного полиса, из-за чего они и не способны (по Сократу) на те самые особые слова и дела, на которые в обстоятельствах войны решаются философы. Славянофилы явили пример как раз таких платоновских философов, которые в обстоятельствах войны способны на особые слова и дела.

В самый разгар Крымской войны Константин Аксаков писал: «В настоящее время всеобщего испытания народов внимание всякого русского устремлено более, чем когда-нибудь, на внутренний смысл, на основы бытия России. Меня это внимание, постоянное и прежде, привело к убеждениям, выяснившимся в настоящую минуту более, чем когда-нибудь. Строгое время, в которое мы живем, требует откровенного слова» (цит. по: [29, с. 53]). Осмысление войны представителями славянофильской школы сегодня крайне актуально, их наработки подлежат внимательному исследованию со стороны профессионального философского сообщества. Этот философский опыт может быть использован в наше время при интерпретации политической ситуации как внутри России, так и в мире, а также для осмысления отношений России как с входящими в ее состав народами, так и с геополитическими противниками и союзниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков И.С. в его письмах. Ч. 1. Т. 3. Письма 1851–1860 гг. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1892.
2. Аксаков И.С. Как России готовиться к войне // Сочинения И.С. Аксакова 1860–1886. Т. 2. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1886. С. 135–147.
3. Аксаков И.С. Письма к родным. 1849–1856. М.: Наука, 1994.

4. Аксаков И.С. Собрание сочинений: в 12-ти т. Т. 1. Славянский вопрос. Кн. 1. СПб.: Росток, 2015.
5. Аксаков И.С. Сборник стихотворений с портретом автора. М.: Типография Т.И. Гаген, 1886.
6. Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995.
7. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев: очерк истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М.: АСТ; Хранитель, 2007.
8. Бродский А.И. Неизвестный солдат: философская апология войны и ее истоки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 4. С. 551–562.
9. Гачева А.Г. Последний славянофил. URL: <https://portal-kultura.ru/svoy/articles/filosof-o-filosofe/136771-posledniy-slavyanofil>
10. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977.
11. Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 1–5. М.: Художественная литература, 1969.
12. Керсновский А.А. Философия войны. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2010.
13. И.В. Киреевский – И.С. Аксакову. 8 апреля 1855 г. // Киреевский И.В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. С. 327.
14. Ксенофонов В.Н. Философско-нравственные идеи А.С. Хомякова о войне и мире: содержание и преемственность // Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: сборник статей по материалам международной научной конференции (г. Москва, 14–17 апреля 2004 г.). Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 675–683.
15. Кузьмичева Л.В. А.С. Хомяков и сербский вопрос // Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: сборник статей по материалам международной научной конференции (г. Москва, 14–17 апреля 2004 г.). Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 89–105.
16. Курилов А.С. Константин и Иван Аксаковы // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. С. 3–29.
17. Нольде Б. Юрий Самарин и его время. М.: Алгоритм, 2003.
18. Носков В.В. Крымская война и развитие славянофильской философии истории // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2002. № 2. С. 103–119.
19. Письма И.С. Аксакова к А.Д. Блудовой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. 11. М.: Студия ТРИТЭ, 2001. С. 337–349.
20. Платон. Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные профессором Карповым. Ч. 6. М.: Синодальная типография, 1879.
21. Поддубная Р.П. Самарины. Самара: Офорт, 2008.
22. Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. 2. Воспоминания Б.Н. Чичерина. М.: Изд-во МГУ, 1991.
23. Скороходова С.И. Воспитание Ю.Ф. Самарина как исток мировоззрения // Наука и школа. 2012. № 2. С. 168–172.
24. Славянофилы. Историческая энциклопедия. М.: Институт русской цивилизации, 2009.
25. Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации; Алгоритм, 2012.
26. Хомяков А.С. Стихотворения. М.: Директ-Медиа, 2010.
27. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений: в 4-х т. Т. 2. Прага: Тип. д-ра Ф. Скрейшовского, 1867.
28. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Университетская типография, 1886–1906.
29. Цимбаев Н.И. Записка К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» и ее место в идеологии славянофильства // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. История. 1972. № 2. С. 47–60.
30. Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во МГУ, 1978.
31. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 1991.
32. Шмитт К. Политическая теология: сборник. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
33. Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915.
34. «Я любил Вас любовью брата...»: переписка Ю.Ф. Самарина и баронессы Э.Ф. Раден (1861–1876). СПб.: Владимир Даль, 2015.

REFERENCES

1. Aksakov I.S v ego pis'makh. Ch. 1. T. 3. Pisma 1851–1860 gg. [I.S. Aksakov in his letters.

- Part 1. Vol. 3. Letters of 1851–1860]. Moskva: Tipografiya M.G. Volchaninova, 1892. (in Russ.)
2. Aksakov, I.S., 1886. Kak Rossii gotovit'sya k voine [How should Russia get ready for the war?]. In: Sochineniya I.S. Aksakova 1860–1866. T. 2. Moskva: Tipografiya M.G. Volchaninova, 1886, pp. 135–147. (in Russ.)
 3. Aksakov, I.S., 1994. Pis'ma k rodnym. 1849–1856 [Letters to relatives. 1849–1856]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
 4. Aksakov, I.S., 2015. Sobranie sochinenii: v 12-ti t. T. 1. Slavyanskii vopros [Collection of works: in 12 volumes. Vol. 1. The slavonic question]. Sankt-Peterburg: Rostok. (in Russ.)
 5. Aksakov, I.S., 1886. Sbornik stikhotvorenii s portretom avtora [Collection of poems with author's portrait]. Moskva: Tipografiya T.I. Gagen. (in Russ.)
 6. Aksakov, K.S., 1995. Estetika i literaturnaya kritika [Aesthetics and literary criticism]. Moskva: Iskusstvo. (in Russ.)
 7. Berdyayev, N.A., 2007. Konstantin Leontiev: ocherk istorii russkoi religioznoi mysli. Aleksei Stepanovich Khomyakov [Konstantin Leontiev: essay from the history of Russian religious thought. Aleksey Stepanovich Khomyakov]. Moskva: AST; Khranitel'. (in Russ.)
 8. Brodskii, A.I., 2019. Neizvestnyi soldat: filosofskaya apologiya voiny i ee istoki [The unknown soldier: philosophical apology of war and its origins], Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya, Vol. 35, no. 4, pp. 551–562. (in Russ.)
 9. Gacheva, A.G., Poslednii slavyanofil [The last slavophil]. URL: <https://portal-kultura.ru/svoy/articles/filosof-o-filosofe/136771-posledniy-slavyanofil> (in Russ.)
 10. Hegel, G.V.F., 1977. Entsiklopediya filosofskikh nauk. Filosofiya dukha [Encyclopedia of the philosophical sciences. Vol. 3. Philosophy of spirit]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
 11. Herzen, A.I., 1969. Byloe i dumy. Ch. 1–5 [My past and thoughts. Parts 1–5]. Moskva: Khudozhestvenaya literatura. (in Russ.)
 12. Kersnovskii, A.A., 2010. Filosofiya voiny [The philosophy of war]. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii. (in Russ.)
 13. I.V. Kireevskii – I.S. Aksakovu. 8 aprelya 1855 g. [I.V. Kireyevsky to I.S. Aksakov. April 8, 1855]. In: Kireevskii, I.V., 1984. Izbrannye stat'i. Moskva: Sovremennik, p. 327. (in Russ.)
 14. Ksenofontov, V.N., 2007. Filosofsko-nravstvennye idei A.S. Khomyakova o voine i mire: sodержanie i preemstvenost' [A.S. Khomyakov's philosophical and moral ideas on war and peace: essence and roots]. In: In: Khomyakov – myslitel', poet i publitsist: sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Moskva, 14–17 aprelya 2004 g.). T. 1. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur, 2007, pp. 675–683. (in Russ.)
 15. Kuz'micheva, L.V., 2007. Khomyakov i serbskii vopros [Khomyakov and the Serbian question]. In: Khomyakov – myslitel', poet i publitsist: sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Moskva, 14–17 aprelya 2004 g.). T. 1. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur, 2007, pp. 89–105. (in Russ.)
 16. Kurilov, A.S., 1981. Konstantin i Ivan Aksakovy [Konstantin Aksakov and Ivan Aksakov]. In: Aksakov K.S. and Aksakov I.S., 1981. Literaturnaya kritika. Moskva: Sovremennik, pp. 3–29. (in Russ.)
 17. Nolde, B., 2003. Yurii Samarin i ego vremya [Yury Samarin and his time]. Moskva: Algoritm. (in Russ.)
 18. Noskov, V.V., 2002. Krymskaya voina i razvitie slavyanofil'skoi filosofii istorii [The Crimean war and the development of slavophilic philosophy of history], Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena, no. 2, pp. 103–119. (in Russ.)
 19. Pis'ma I.S. Aksakova k A.D. Bludovoi [Letters of I.S. Aksakov to A.D. Bludova]. In: Rossiiskii arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. T. XI. Moskva: Studiya TRITE, 2001. (in Russ.)
 20. Plato. 1879. Sochineniya Platona, perevedennye s grecheskogo i ob'yasnennye professorom Karpovym. Ch. 6 [Plato's works, translated from greek and explained by professor Karpov. Part 6]. Moskva: Sinodal'naya tipografiya. (in Russ.)
 21. Poddubnaya, R.P., 2008. Samariny [The Samarins]. Samara: Ofort. (in Russ.)
 22. Russkoe obshchestvo 40–50-kh godov XIX v. Ch. 2. Vospominaniya B.N. Chicherina [Russian society of the 1840s and 1850s. Part 2. Memories of B.N. Chicherin]. Moskva: Izdatel'stvo MGU, 1991. (in Russ.)
 23. Skorokhodova, S.I., 2012. Vospitanie Yu.F. Samarina kak istok mirovozzreniya [Yu.F. Samarin's education as a source of his philosophy], Nauka i shkola, no. 2, pp. 168–172. (in Russ.)
 24. Platonov, O.A. ed., 2009. Slavyanofily. Istoricheskaya entsiklopediya [Slavophiles: an

historical encyclopedia]. Moskva: Institut russkoi tsivilizatsii. (in Russ.)

25. Solovyov, V.S., 2012. Opravdanie dobra [The justification of the good]. Moskva: Institut russkoi tsivilizatsii. (in Russ.)

26. Khomyakov, A.S., 2010. Stikhotvoreniya [Poems]. Moskva: Direkt-Media. (in Russ.)

27. Khomyakov, A.S. 1867. Polnoe sobranie sochinenii: v 4-kh t. T. 2 [Complete collection of works: in 4 volumes. Vol. 2]. Prague: Tipografiya doktora Skreishovskogo. (in Russ.)

28. Khomyakov, A.S., 1886–1906. Polnoe sobranie sochinenii: v 8-mi t. [Complete collection of works: in 8 volumes]. Moskva: Universitetskaya tipografiya. (in Russ.)

29. Tsimbaev, N.I., 1972. Zapiska K.S. Aksakova «O vnutrennem sostoyanii Rossii» i eyo mesto v ideologii slavyanofilstva [K.S. Aksakov's note «On internal situation in Russia» and its place in the ideology of Slavophilism], Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9. Istoriya, no. 2, pp. 47–60. (in Russ.)

30. Tsimbaev, N.I., 1978. I.S. Aksakov v obshchestvennoi zhizni poreformennoi Rossii

[I.S. Aksakov in social life of Russia after the reforms of Alexander II]. Moskva: Izdatel'stvo MGU. (in Russ.)

31. Chaadaev, P.Ya., 1991. Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma: v 2-kh t. T. 1 [Complete collection of works and selected letters: in 2 volumes. Vol. 1]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

32. Shmitt, K., 2000. Politicheskaya teologiya [Political theology]. Moskva: Kanon-Press-Ts. (in Russ.)

33. Ern, V.F., 1915. Vremya slavianofil'stvet. Voyna, Germaniya, Evropa i Rossiya [The time becomes slavophile. War, Germany, Europe and Russia]. Moskva: Tip. t-va I.D. Sytina. (in Russ.)

34. «Ya lyubil Vas lyubov'yu brata...»: perepiska Yu.F. Samarina i baronessy E.F. Raden (1861–1876) [«I loved you like a brother...»: correspondence of Yu.F. Samarin and baroness E.F. Raden (1861–1876)]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', 2015. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 30.07.2024;
рекомендована к печати 21.08.2024*

